

**Механизмы работы с коллективной травмой сталинизма в публицистике
1987-1988 годов**

Научный руководитель – Сони́на Елена Сергеевна

Иво́нина Наталья Сергеевна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт "Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Кафедра периодической печати,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ivonina.natka@gmail.com

Понятие «коллективная травма» введено в обиход исследователями в области Trauma studies. Травма - это невообразимый стрессовый опыт, например, опыт концлагерей или войны. Но если объектом индивидуальной травмы выступает жизнь конкретного человека, то объект коллективной травмы - «связи между людьми и их культурные смыслы» [Куракин, 2012, С. 5]. Коллективная травма - это «личные шоковые переживания, которые воспринимаются не как уникальные, а как массовые» [Кукулин, Postnauka].

Переживание травмы сталинизма и массовых репрессий российским обществом имеет ряд важных особенностей. Если в Германии осуждение тоталитарного режима было инициировано извне, в России осуждение системы начали люди, связанные с этим режимом [Солоед, Журнал практической психологии и психоанализа]. Палачи и жертвы сталинизма с трудом отличимы друг от друга [Эткинд, 2016, С. 55; Варга, Журнал практической психологии и психоанализа]. В отличие от Германии, где память о травматическом периоде начала развиваться сразу после его окончания, в России для этого потребовалось несколько десятилетий. По-настоящему публичный разговор о травме стал возможен только в перестройку. **СМИ играли важную роль в процессе обсуждения.**

Мной проанализировано 24 номера журнала «Новый мир» (далее «Нм»), 24 номера журнала «Знамя» (далее «З») и 104 номера журнала «Огонёк» (далее «О») за 1977 и 1988 годы. Методом сплошной выборки найдено 26 публикаций с выбранной тематикой. Публицисты используют различные стратегии работы с коллективной травмой.

1. «Разыгрывание» (acting-out) и «прорабатывание» (working-through) [LaCapra, 2001, С. 141-142]

Прорабатывание включает «процессы скорби, в которых зверства прошлого признаются, выражаются и более полно понимаются во всей их исторически сложившейся сложности». Разыгрывание травмы проявляется в «упрощённых рассказах и автоматических реакциях» [Schick, 2011, С. 13].

Публицисты пытаются создать упрощённый рассказ о катастрофе, в котором между палачами и жертвами сталинского периода можно провести чёткое разграничение на «честных людей» и «исполнителей преступных арестов». Этой позиции придерживаются Д. Иванов /«О»/ и В. Белов /«Нм»/. Создание таких нарративов очень опасно, т. к. угрожает исчезновением реальных воспоминаний, которые всегда сложнее [Мороз, 2014, С. 64].

2. Экстернализация и интернализация вины [Ассман, 2016, С. 52]

Экстернализация - отождествление себя с жертвами преступлений; интернализация - понимание ответственности за унаследованную вину. Часть публицистов пытается экстернализировать вину, придерживаясь мнения, что единственной или основной причиной репрессий были личные качества Сталина. Эту точку зрения защищают М. Шатров

/«О»/, В. Селюнин /«Нм»/, Л. Лазарев, А. Бочаров, В. Савченко, Ю. Голанд /«З»/. При этом ответственность населения признаётся незначительной или отрицается. Меньшая часть публицистов призывает попытаться найти более глубинные причины сталинизма. Это А. Латынина /«Нм»/, Т. Иванова /«О»/. Попытки интернализировать вину предпринимаются в спорах о том, считать ли репрессии выражением глубинных народных желаний (Л. Аннинский и В. Кардин /«З»/, И. Клямкин и А. Латынина /«Нм»/) или внешней силой, которой народ противился (О. Лацис /«З»/, Д. Иванов /«О»/, К. Мяло /«Нм»/).

3. «Нарративный фетишизм» и «работа скорби» [Калинин, 2013, С. 134]

«Нарративным фетишизмом» Калинин называет «такие модели интерпретации произошедшего, которые освобождают от самой необходимости переосмыслить свою идентичность как травматическую». В противоположность этому работа скорби - «переработка и привыкание к реальности утраты или травматического шока путем их воспоминаний и повторов в символически и диалогически опосредованных дозах; это процесс перевода, метафоризации и олицетворения утраты». Публицисты отказываются переосмыслить свою идентичность с учётом травматического опыта. Они отрицают любую связь между сталинизмом и марксизмом (О. Лацис /«З»/, В. Селюнин /«Нм»/) и видят главную вину Сталина в отступлении от ленинского плана (О. Лацис /«З»/, Д. Иванов /«О»/, Г. Лисичкин и В. Селюнин /«Нм»/). Тем не менее в работах В. Поликарпова /«О»/ и Г. Лисичкина /«Нм»/ предпринимаются осторожные попытки связать сталинское прошлое с современностью.

Публицисты прибегают к различным стратегиям работы с коллективной травмой. Большинство стратегий непродуктивны: разыгрывание, экстернализация вины, нарративный фетишизм. Часть публицистов призывает к тому, чтобы выстроить более сложный нарратив. Поскольку начало публичного разговора о травме произошло сравнительно поздно, необоснованно было бы ждать от публицистов перестройки максимальной степени готовности говорить о травме и сознания собственной ответственности. Вопрос о том, почему обозначенные положительные тенденции не привели в современности к формированию консенсуса в отношении к сталинизму и репрессиям, требует более глубокого изучения.

Источники и литература

- 1) Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232с.
- 2) Калинин И. Историчность травматического опыта: рутина, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение. 2013. № 124 (6). С. 18-34.
- 3) Куракин Д. Ю. Теория и методология. Предисловие к: Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5-40.
- 4) Мороз О. В. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 59-74.
- 5) Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребённых. М.: НЛО, 2016. 328с.
- 6) LaCapra D. Writing History. Writing Trauma. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226с.
- 7) Schick K. Acting out and working through: Trauma and (in)security // Review of International Studies, №37, 2011. С. 1837-1855.

- 8) Варга А. Я., Будинайте Г. Л. Травма прошлого в России и возможности применения системной семейной терапии. Журнал практической психологии и психоанализа: <http://psyjournal.ru/articles/travma-proshlogo-v-rossii-i-vozmozhnosti-primeneniya-sistemnoy-semeynoy-terapii>
- 9) Кукулин И. Историческая травма как культурное явление. Postnauka: <https://postnauka.ru/faq/26580>
- 10) Солоед К. В. Психологические последствия репрессий 1917-1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе. Журнал практической психологии и психоанализа: <http://psyjournal.ru/articles/travma-proshlogo-v-rossii-i-vozmozhnosti-primeneniya-sistemnoy-semeynoy-terapii>